

Б. Б. Ханарсланова

**ДАГЕСТАН И ШИРВАН В РУССКО-ИРАНСКИХ, РУССКО-ТУРЕЦКИХ
И ИРАНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ
В СОСТАВ РОССИИ (1722–1735)**

*Работа представлена кафедрой истории стран Запада
Дагестанского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. С. Акбиев*

В статье освещаются роль и место Дагестана и Ширвана во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в противоборстве за гегемонию на Кавказе. Показано их влияние на кавказскую

политику сторон с учетом антиросийского курса Англии и Франции. Определена специфика российско-иранского сотрудничества изучаемого периода и отмечено определенное сходство с современными реалиями.

The article deals with the role and place of Dagestan and Shirvan in the interrelations of Russia, Iran and Turkey in confrontation for hegemony in the Caucasus. It shows their influence on the sides' Caucasian politics taking into account the anti-Russian policy of Great Britain and France. The author outlines the peculiarities of the Russian-Iranian cooperation of the period under consideration and notes the similarity with the modern reality.

Как показывает развитие кавказской региональной истории и истории сопредельных с ним России, Ирана и Турции, Кавказ в целом и отдельные территориально-государственные образования оказывают активное влияние на развитие этих процессов с древнейших времен до наших дней. Сказанное непосредственно относится к Дагестану и Ширвану, особенно в плане определения места и роли этих областей в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях изучаемого периода, что подтверждается многими авторами с античных времен до наших современников. Так, вскрывая глубинные корни взаимоотношений народов Дагестана и Азербайджана, осуществляемые по Каспийскому пути через Дербентский проход, известный дагестанский историк Р. М. Магомедов пишет, что образовавшийся в V в. до н. э. «большой горский племенной союз... Албания... играл в жизни Кавказа весьма важную роль. Территория его простиралась на весь Азербайджан... и на значительную часть Южного Дагестан»¹.

Обстоятельную оценку геополитической роли Дагестана и Ширвана в региональных и евразийских событиях с особым акцентом на изучаемый период дал дагестанский этнограф середины XIX в. Д. М. Шихалиев. «Дагестан... по географическому своему положению был путем всем древним народам из Азии в Скифию и обратно, – пишет этот автор. – Недаром Дербенд называли Темиркапу (железные врата) или по-арабски Баб-аль-авваб (врата врат)... Путь в Южную Азию для этих диких народов... был самый удобный через Дагестан... Скифы, хазары и Золотая Орда, один за другим, врывались и опустошали славное

Ширванское царство... Аксак-Темир два раза провел через Дагестан свои полчища; шах Надир посетил край этот со своими войсками, крымские ханы не раз проходили через него, помогая туркам в войне против персиян. Русские под предводительством Петра Великого, через Дагестан впервые познакомились с Закавказьем; словом, Дагестан был одним из первых путей всех древних и новейших народов, проходивших через Кавказские горы из Азии в Европу и обратно»².

Схожие оценки по геополитике Азербайджана и Ширвана высказали многие отечественные и зарубежные авторы, но ближе всех темы статьи коснулись азербайджанские историки Т. Ф. Алиев, особо выделивший роль Ширвана, «занимающего одно из центральных мест в Северном Азербайджане»³, а также Ф. М. Алиев и Т. Т. Мустафазаде, посвятившие азербайджано-русским отношениям и роли Азербайджана в русско-турецких отношениях специальные монографии⁴.

Следовательно, как явствует из материалов этих и других исследователей, расположенность Дагестана и Ширвана между Европой и Азией, Черным морем и Каспием, на главных коммуникациях, ведущих в Закавказье, на Ближний и Средний Восток, обладание ими важными стратегическими позициями, значительными людскими и материальными ресурсами всегда привлекали внимание России, Ирана и Турции, стремившихся к овладению Кавказом и Каспием и поддерживавшим геополитических соперников России с антиросийских позиций «восточного барьера» западных держав – Англии, Франции и др.

Имея в виду, что отмеченные геополитические свойства Дагестана и Ширвана

оставались постоянно действующими факторами, катализаторами главных, решающих событий, попытаемся выяснить конкретные действия противоборствующих сторон, определявшие формирование и развитие русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений, нашедших выражение в дипломатических переговорах, в вопросах разграничения сфер влияния, двусторонних и трехсторонних договорах, вассально-подданных отношениях дагестанских и ширванских владетелей с Петербургом, Исфаханом и Стамбулом, военных действиях в Дагестане, Ширване, Закавказье, Ираке и др.

Интерес к Дагестану и Ширвану этих держав особенно возрос в связи с коренным изменением ситуации на Кавказе после свержения иранского владычества в 1721 г., нашествия и свержения афганцами во главе с Мир-Махмудом шаха Султан Хусейна Сефевиды в Иране в 1722 г., усилением агрессивности кавказской политики Турции по мере ослабления позиций в Европе и нарастания внутреннего системного кризиса.

Создавшаяся ситуация наиболее благоприятствовала замыслам России, добившейся отторжения Азова от Турции в 1720 г., победы над Швецией с обретением выхода к Балтийскому морю в 1721 г. и значительного усиления влияния на владетелей Северного Кавказа с доминирующей ориентацией населения Прикаспия на свою сторону⁵. Благодаря этому тщательно проведенная военно-дипломатическая, политическая и разведовательная подготовка позволила Петру I совершить в июле – августе 1722 г. Каспийский поход, завершившийся на первой стадии овладением побережьем Каспия от Аграханского залива до р. Милюкент за Дербентом.

Известия о походе Петра I и оккупация части Дагестана всполошили Стамбул. Хотя в конце сентября с основными силами Петра I отплыл в Астрахань, оставив небольшие гарнизоны в отдельных местах, русско-турецкие отношения резко обострились⁶. Недовольная успехами Петра I, под

видом защиты единоверных суннитов Дагестана, Порты потребовала немедленного вывода оставшихся войск, надеясь на поддержку Хаджи Дауда Ширванского и Сурхай-хана Казикумухского, добивавшихся ее покровительства. Неслучайно в донесении Петру I русского резидента из Стамбула И. И. Неплюева в сентябре 1722 г. содержалось предупреждение о необходимости «на границах остерегаться и приготовляться к войне. Порты принимает в свое подданство Дауд хана (Давуд-бека. – Б. Х.) и хочет сначала овладеть Грузией, а потом вытеснить русские войска из Дагестан»⁷.

С тех пор Дагестан и Ширван заняли доминирующее положение в кавказской политике России и Турции. В середине октября эрзерумский паша получил приказ подчинить сначала сторонника России грузинского царя Вахтанга VI, а «затем иттить в Дагистанскую землю, дабы российским войскам запретить в прогрессах»⁸. Наступательная тактика османов продолжала нарастать. Специальным фирманом султана Ахмеда III 31 декабря 1722 г. Хаджи Давуд-бек был принят в турецкое подданство в качестве верховного правителя Дагестана и Ширвана. «Предпочтенный высочайшей степени ширванский и прочие Дагестанских провинций хан Дауд, – говорилось в фирмане, – ...ныне с высочайшими нашими везирями и с прочими начальствующими... персонами советовано и решено, что по единоверию истинного закона принадлежит быть под высочайшего богохранимого протекциею у нашей высочайшей императорской Порты»⁹.

Сообщая об этом в Петербург 9 января 1723 г., Неплюев акцентировал внимание на тех задачах, которые должен был решить Давуд-бек в интересах Турции. «Он принят в протекцию к Порте в такой же силе, как хан крымской содержится... дан ему титул ханский над всеми дагестанскими землями и князьями и провинцией Ширваном, – подчеркивал резидент, – и при том ему Дауд шейху писано особливое письмо дабы он старался и протчие принадлежащие Шир-

вану ближние персидские провинции... приобщил оружием... и в секрете ему велено, чтоб он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев»¹⁰.

Несмотря на решительные протесты Петербурга, в Стамбуле продолжали свой курс. В июне 1723 г. турецкие войска заняли Тбилиси, откуда двинулись на Азербайджан для захвата Гянджи, Шемахи и Баку. Выступивший к ним навстречу Давуд-бек вступил в переговоры с бакинским султаном Магомед-Гусейном о добровольной сдаче города туркам.

Ответные действия российской стороны оказались решительными и оперативными. Сразу же после занятия османами Тбилиси русские войска овладели главными центрами иранской провинции Гилян-Энзели и Решт. Спустя месяц почти без сопротивления в их руках оказались Шемаха и Баку. Овладение этими территориями оказалось большим успехом восточной политики Петра I, которые предстояло срочно закрепить подписанием специального договора с Ираном. Перед российской дипломатией встала сложная задача: недопуская Турцию на побережья Каспия, добиться от Ирана добровольной уступки вновь занятых территорий, обязуясь за это оказать необходимую помощь для отражения османской экспансии и изгнания афганских захватчиков.

Эта задача была решена подписанием 12 (23) сентября 1723 г. русско-иранского Петербургского союзного договора, предусматривающего, что «его шахское величество (Тахмасп II¹¹. – Б. Х.) уступает его императорскому величеству (Петру I. – Б. Х.) в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами и провинции Гилян, Мазондрань и Астрабат... которые места и провинции его императорское величество всероссийское для того в награду себя желает, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков посылает»¹².

Петербургский договор 1723 г., заметно укрепивший позиции России на Кавказе и прикаспийских областях, еще более усилил недовольство Порты и ее западных покровителей. Пользуясь поддержкой Англии и Франции, она стала требовать пересмотра условий этого договора в собственных интересах. Отвергнув чрезмерные требования Порты и западных держав, 12 (23) 1724 г. Петр I подписал Константинопольский русско-турецкий договор, по которому сферы влияния между Россией, Турцией и Ираном на обширном пространстве от Дербента до Астрабада, Мазендарана и Гиляна определялись следующим образом:

- К России отходили те области, которые она получила у Ирана по Петербургскому договору 1723 г. Кроме того, сверх феодальных владений, находившихся в ее подданстве в Дагестане, она обретала 2/3 приморской полосы Ширвана и часть земель в верховьях Самура, считавшихся под протекцией Сурхая.

- На территории Ширвана с охватом 1/3 части от Шемахи в сторону моря учреждалось отдельное Шемахинское ханство во главе с Давуд-беком под верховенством Порты. Статус этого ханства определялся следующим образом: «Шемаха не будет укреплена и в ней не будет турецкого гарнизона, исключая тот случай, когда владелец тамошний воспротивится власти султана или между жителями произойдет смута; и тогда турецкие войска не позже перейдут реку Кур, как уведомив о своем движении русских комендантов и по утешении смуты ни один человек из турецкого войска не должен оставаться в Шемахе»¹³.

- Непосредственно под власть Турции, как подлежащие прямому управлению Портой, отходили Восточная Грузия, Восточная Армения и большинство территории Азербайджана, за исключением прикаспийских провинций и Ширвана. В Дагестане под ее властью оказались Ахты, Рутул, Цахур и часть кюринских джамаатов, находившихся под покровительством Сурхая¹⁴.

• Территория между новыми границами России и Турции оставалась под властью Ирана: она должна была играть роль буфера между двумя империями. От имени России договаривающиеся стороны извещали шаха Тахмаспа, что если он добровольно уступит им вышеназванные территории, то они помогут ему изгнать афганцев и утвердиться у власти в Иране; но если же Тахмасп откажется это сделать, то совместными силами они свергнут его с престола и возведут на трон своего ставленника¹⁵.

Как следует из текста Константинопольского договора, он явно подтвердил ведущее положение Дагестана и Ширвана в кавказской политике Петербурга и Стамбула. Однако реализовать свои замыслы полностью и до конца им не удалось ввиду упорного сопротивления коренного населения их разграничительно-захватническим целям, особенно Порты. Подтверждение тому – донесение турецких комиссаров в Стамбул в декабре 1726 г., в котором сообщалось, что, используя силу и «иные способы», они укротили жителей Ширвана, но «дальше наступила дагестанская земля, которую мерить невозможно, яко мерить не дают, противятся оружием»¹⁶.

Эти настроения горских масс активно поддерживались Сурхай-ханом, недовольным ущемлением своих интересов как стороны России, так и Турции, особенно принятием последней в свое подданство Давудбека. В такой ситуации он не смог выполнить задач, возложенных на него Портой, и стал терять ее доверие. В конце 1727 г. султан Ахмед III окончательно отвернулся от Давудбека и привлек на свою сторону Сурхая, предложив шемахинский трон с большим годовым жалованьем и с доходами от уездов Кабала и Акдаш в Шекинской области¹⁷.

С принятием Сурхай-хана в свое подданство Порты заявила об окончании разграничения в Дагестане, ссылаясь на то, что султан Ахмед III считает подвластные Сурхая территории принадлежащими Турции и требует от российского правительства,

чтобы оно не посылало своих комиссаров в сурхаевые владения. Фактические в этом заявлении речь шла об обширной территории, простиравшейся от верховьев казикумукского Койсу до российской разграничительной линии в Ширване. По вполне обоснованному мнению Неплюева, цель османской правящей верхушки заключалась в том, чтобы вытеснить русские войска из оккупированных областей, а «Сурхаево владение (Казикумукское ханство. – Б. Х.) с Шемахою соединить и тем сильнее свою партию в той стране утвердить»¹⁸.

Активность Порты подогревалась тем, что на кавказской арене появился новый – иранский – фактор, оказавший существенное влияние на дальнейший ход событий, втянувших в свою орбиту Ширван и Дагестан. Тяжелые последствия афгано-турецкой оккупации способствовали подъему освободительной борьбы иранского народа против захватчиков под руководством талантливого полководца Надира, изгнавшего в начале 1730 г. афганцев из Исфохана, куда перебрался наследник Сефевидов шах Тахмасп II. Воспользовавшись тем, что Надир выступил для подавления восстания афганского племени абдали, Тахмасп попытался самостоятельно изгнать османов, но в течение 1731 г. трижды потерпел поражения от турок. Воинственные устремления Порты разгорелись с новой силой. В ставке же Тахмаспа царила растерянность, готовность капитулировать под нажимом Порты, уступив ей Грузию, Армению, Дагестан, Ширван и часть Карской области¹⁹. Перспектива заключения ирано-турецкого договора, утверждающего власть турок в Закавказье и прикаспийских областей, стала реальной.

Сознавая эту угрозу, русское правительство предприняло ряд мер для предотвращения намечавшегося соглашения, пытаясь убедить Тахмаспа не капитулировать под нажимом Порты, обещая, что «тогда немедленно все провинции по реке Куре шаху отданы будут»²⁰. Ему также внушалось, что если он уступит османам Грузию, Армению,

Шемаху с Ширваном и Дагестан, то окажется окруженным со всех сторон и лишится поддержки России.

Но предотвратить подписание договора между Тахмаспом и Портой России не удалось. Благодаря стараниям Франции, 12 января 1732 г. был подписан Керманшахский договор, по которому шах Тахмасп II уступал турецкому султану Тбилиси, Ереван, Гянджу, Шемаху с Ширванской областью и Дагестан. Тебриз и Керманшах возвращались Ирану; р. Аракс признавалась границей двух держав в Закавказье²¹. Этот договор был направлен против России, поскольку предполагал совместные действия для вытеснения русских войск из Прикаспия.

Однако этот договор был опрокинут Надиром. Вернувшись в Исфахан после подавления восстания абдали, он обвинил шаха Тахмаспа в измене, сверг его с престола и стал всесильным регентом Ирана при малолетнем сыне Тахмаспа, объявленного шахом Аббасом III. Правильно оценив сложившуюся обстановку, российские дипломаты решили действовать через Надир, не признавшего капитулянтской политики Тахмаспа, завоеваний османов в Иране и тайно мечтавшего захватить власть в стране. В противовес Керманшахскому договору, 21 января 1732 г. Надир подписал с Россией Рештский трактат, а затем возобновил военные действия с Турцией²².

Следует отметить, что этот трактат, кроме представления взаимных торговых привилегий, положил начало возвращению Россией Ирану прикаспийских областей с перспективой распространения этого условия на Дагестан и Ширван. Согласно договору, российское правительство обязалось возвратить Надиру провинции Мазандаран и Гилян, но с твердой оговоркой, чтобы эти земли ни «ни под каким образом в другие державы (Турции. – Б. Х.) отданы не были». Российская сторона обязывалась выполнить свое обещание лишь через пять месяцев после ратификации этого договора, если Надир вернет под свою власть захва-

ченные османами территории в Ширване, Армении и Грузии. В трактат был включен также особый пункт, предусматривающий согласие Петербурга возвратить Ирану Баку и Дербент, когда Надир полностью освободит Иран от занятых османами территорий²³.

Соотношение сил на Востоке между противоборствующими сторонами с тех пор стала складываться в пользу Ирана. Поражение турецких войск под Богдадом в декабре 1733 г. вынудило Порту подписать мир с Надиром, предусматривающий возвращение Ирану территорий, занятых османскими войсками на Кавказе, прежде всего в Дагестане и Ширване²⁴. Эта уступчивость Стамбула, рассчитанная на подрыв российско-иранского союза, подвигла Надир требовать таких же уступок со стороны Петербурга. Пользуясь нерешительностью петербургского договора и фактической капитуляцией Порты, Надир решил не только восстановить бывшие иранские позиции, но и расширить зону влияния Ирана на Кавказе.

Учитывая значение Дагестана и Ширвана и политический вес Сурхая на Кавказе, категорически отвергнутое предложение о сдаче Шемахи, Надир решил подчинить его сначала своей власти, но не смог достичь большего успеха, чем разрушить Шемаху до основания и захватить Казикумух, откуда Сурхай бежал в Аварию. Как свидетельствуют русские и иранские источники, «шемахинская экспедиция» 1734 г. не достигла своей цели: встретив решительное сопротивление горцев и понеся значительные потери²⁵, он поспешно отступил из гор и вернулся в свой лагерь близ Гянджи, где русско-иранские переговоры о возвращении прикаспийских областей и Дагестана шли к концу.

Оказавшись перед враждебной коалицией европейских держав на западе и угрозой заключения проектируемого ими анти-русского ирано-турецкого альянса на востоке, 10 (21) марта 1735 г. правительство Анны Иоанновны подписало с Надиром

Гянджинский договор, предусматривающий возвращение Ирану прикаспийских областей с отводом русских войск за р. Сулак на Терек, но чтобы эти земли в дальнейшем не подпали под власть Османской империи²⁶. Это означало, что Дагестан и

Ширван, как и другие кавказские владения, входившие с 1722 г. в состав России, отпали от нее и вновь попадали под власть иранских завоевателей, что резко ухудшило ситуацию в регионе накануне новых испытаний²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Магомедов Р. М. Далекое прошлое Дагестана. Что можно узнать о Дагестане у писателей Древнего мира? Махачкала, 1940. С. 8.

² Шихалиев Д. М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 20–21.

³ Алиев Тимур Фуад оглы. Историческая география Ширвана XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1992. С. 2.

⁴ Алиев Ф. М. Азербайджано-русские отношения (XV–XIX вв.) Баку, 1985; Мустафазаде Т. Т. Азербайджан в русско-турецких отношениях в первой трети XIX в. Баку, 1993.

⁵ Ашфарян К. З. Падение державы Сефевидов (1502–1722 гг.) // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951. С. 22; Астрабади М. М. Джахонгоша-е Надири. Тегеран, 1341. С. 18–19.

⁶ Гүкзе С. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorlugunun Kafkasya siaseti. İstanbul, 1979. S. 30–31.

⁷ Цит. по: Соловьев С. М. История России. М., 1963. Кн. IX. Т. 18. С. 394.

⁸ АВПРИ. Ф. 89: Сношения России с Турцией, 1722. Оп. 89/1. Д. 16. Л. 37 об.

⁹ Там же.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 77: Сношения России с Персией, 1723. Оп. 77/1. Д. 5. Ч. 1. Л. 11 с об.

¹¹ Тахмасп II – старший сын шаха Солтан Хосейна, объявивший себя шахом Ирана после свержения афганцами своего отца 22 октября 1722 г.

¹² Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы / Сост. Р. М. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 286.

¹³ Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IX. Т. 18. С. 402–403; Алиев Ф. М. Азербайджано-русские отношения (XVI–XIX вв.). Баку, 1985. С. 126–127.

¹⁴ Мустафазаде Т. Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993. С. 82–83; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 42.

¹⁵ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 52. С. XIX–XXIX; Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 67–68.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 89, 1726. Д. 6. Ч. 2. Л. 604 об.

¹⁷ Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берегах Каспийского моря в 1728 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. / Архивные материалы; Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева. М., 1958. С.103.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 89, 1728. Л. 96, 97. С. об. – 98.

¹⁹ Сардадвар А. Т. Тарих-е незамы ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. Техран, 1353. С. 346.

²⁰ АВПРИ. Ф.77, 1731. Д. 18. Л. 14.

²¹ Эқбаль А. Тарих-е мофессол-е Иран аз эстила-йе могул та энгераз-е Каджари-йе. Техран, 1360. С. 197.

²² Сотавов Н. А. Указ. соч. С. 84.

²³ Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т. Д. Юзэфович. СПб., 1869. С. 194–200.

²⁴ Бакиханов А.-К. А. Гюлистаны Ирам. Баку, 1991. С. 137–138.

²⁵ АВПРИ. Ф. 77, 1734. Д. 7. Ч. 2. Л. 14 с об.; Мухамад-Казим. Наме-ри Аламара-йи Надири. М., 1962. Т. 2. С. 284 б.

²⁶ Договоры России с Востоком, политические и торговые. С. 200–207.

²⁷ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С.316, 18, 19; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. С. 428–430.